

Три женщины в городском пейзаже

Лида открыла глаза. На улице было светло. Почти светло — в ноябре светло в Москве не бывает. Посмотрела на будильник: половина девятого. Выходит, пора. Вытянувшись в струну и на минуту прикрыв глаза, скинула одеяло и села на кровати. Пора, мой друг. Пора. Увы!

Подошла к окну. Снега еще нет, зато есть подмерзшие лужи, которые непременно растают к обеду. Выходит, надо надевать что-то непромокаемое. Но не резиновые же сапоги!

В комнате было полутемно, и Лида раздернула плотные шторы. Светлее не стало. Поздняя осень — паршивое время. А про ноябрь нечего и говорить. Скорее бы зима! Снежок и морозец, ощущение приближающегося праздника и ощущение наступающих перемен.

Какая наивность: какие перемены, перемен давно нет. А если и есть, то точно не к лучшему. Но странное дело — ощущение праздника неизменно!

Как казалось в далеком детстве: завтра перевернется страница календаря, проводим старый, надоевший и не очень удачный год, наступит первое января и — все будет иначе. По-другому. Но точно лучше, чем в прошлом году. Как же! Все оставалось по-прежнему. Странно устроен человек: взрослея, он перестает верить в Деда Мороза, в новогодние сказки, в чудеса, да просто почти перестает верить, в том числе людям. А вот это волнующее, трепетное ощущение перемен в новом году остается.

Умывшись, Лида включила кофеварку и, широко зевнув, села на стул. Боже, как все неохота: готовить, собирать сумку, причесываться, краситься и одеваться. Неохота выползать из теплой квартиры и спускаться в метро. А что охота? Все просто: бухнуться в кровать и... уснуть. Просто закрыть глаза и ни о чем не думать. Хотя смешно — разве такое бывает?

Заворчав, кофейная машина раздраженно выплюнула кофе. По кухне поплыл любимый запах. «Этот запах и примирает с суровой действительностью, — подумала Лида. — И перед работой, и в выходные. Ну и вообще в любое время, всегда». Есть не хотелось. Ей никогда не хотелось есть по утрам. Но это неправильно, и Лида со вздохом отрезала кусок сыра. В чашку плеснула молока. И, чуть подумав, положила чайную ложку сахара. Нельзя, но в субботу можно. Должны же у человека быть послабления.

На маленькой, шестиметровой, кухне было уютно. Лида с гордостью оглядела свежий ремонт: молодец, что решилась! Решилась взять кредит, сделать ремонт и поменять кухонную мебель. Правда, вслед за этим потянулись занавески, светильник, ну и вся техника. Ничего, справлюсь. Главное — красота!

Мама, разумеется, не одобряла и отговаривала — мама гордилась, что за всю жизнь не заняла ни одного рубля. «Ни од-но-го, — по слогам повторяла она, — и спала спокойно. Чего-то нет? Значит, не надо! До этого же обходилась. Ну и вообще — предела хорошему нет: сделаешь одно — захочется остальное». Странная психология, но живущих в долг — а в нынешнее время в кредит — мама не только опасалась, но и презирала.

Мама есть мама. Ольга Ивановна — человек железных принципов и твердых постулатов, незыблемая скала, вектор правильных поступков и человек, не идущий на компромисс. Характер плюс специальность — в недавнем прошлом она была сосудистым хирургом, профессором и заведующей отделением, автором монографий и научных трудов. Словом, медицинская элита и уважаемый человек. «Без своего характера я бы ничего не достигла, — заявляла мама и добавляла с усмешкой: — И кстати, все успела. И замуж вышла, и дочь родила. А не только карьеру делала. Ну и за собой следить успевала, ты это знаешь».

Чистая правда, со стороны все было именно так: Ольга Ивановна Вершинина была красивой и ухоженной женщиной. Нет, ярой поклонницей моды и шмоточницей она не была — это для бездельниц! Но стилия придерживалась — узкие юбки, а потом и брюки, модные водолазки и пиджаки, невысокие, но все же каблуки. Немного косметики — чуть-чуть тронуть тушью ресницы и светлой помадой губы. Правда, длинные ногти и лак на ногтях исключался — хирург.

И духи мама любила — горьковатые, острые, похожие на мужские и непременно французские.

У Ольги Ивановны был красивый профиль и не очень удачный фас. «Если я хотела понравиться, — смеялась мама, — то всегда поворачивалась в профиль!» Да, и юмор иногда был маме не чужд. Правда, нечасто — женщиной она была серьезной и строгой.

О том, что Лида взяла кредит да еще и немного заняла, мама не знала. Иначе — точно скандал. А если не скандал, то вереница упреков. И Лида с легким сердцем наврала, что накопила. Она часто маме врала — так было проще. Но мама отнеслась к этому с сомнением: «Ты и накопила? Ха-ха. Ни за что не поверю!» Однако Лида стояла на своем.

Правду знала только Тася — от нее Лида ничего не скрывала. Тася обрадовалась и, как всегда, поддержала: «Умница, молодец, что собралась и решилась. Деньги — мусор, пыль, они приходят

и уходят, ну и вообще любить деньги безнравственно. А обновление, радость и удовольствие — это все. Лидуша, ты только представь, — и Тасино лицо озарилось улыбкой, — выходишь утром на кухню, заводишь свою кофеварку, включаешь музыку и — балдеешь. Вокруг красота — новый гарнитур, новые стены, новый светильник. И ты во всей этой сказке. А, Лидуся? И у тебя тут же, в секунду, поднимается настроение».

Так все и было — Лида балдела, и настроение улучшалось. Правда, понимала, что никакого моря в этом году не будет, но свой ежедневный кайф ловила — в конце концов, отпуск у нас две недели, а все остальное время мы на работе и дома.

Да, кухня получилась именно такой, о какой она мечтала: желтенький гарнитур — мама критически хмыкнула: «Веселенький», — занавески в лимонных бабочках, зеленоватый кафель на полу, зеленый светильник. Все зелено-желтое, с оранжевыми вкраплениями (скатерка, тарелки, керамика). Такой обнадеживающий, солнечный, летний микс — в общем, красота. Кухня — лето! Теперь наплевать, что она живет в городе с вечно серым, металлическим небом и слабой надеждой на солнце.

«Теперь бы осилить ремонт в остальной квартире, — вздыхала Лида. — Но это из области недостижимого и несбыточного, увы». Ну и ладно! Хватить хныкать и нюниться. Как учит Тася, радуйся тому, что есть.

Лида допила кофе и открыла холодильник. Жареная курица — раз. Винегрет — два. Лимонный пирог — три. Отлично, мама будет довольна. Хотя когда и чем мама была довольна? Вопрос.

На часах было двадцать минут десятого, и, вздохнув, Лида взяла телефон.

— Привет-привет. Давно встала? А ты? Как спала? Поняла. Нет, я нормально. Ну да, в моем возрасте... Что поделываю — выпила кофе. Да нет, встала рано. Так, проковырялась... Копуха? Ну да, а что может измениться? Какая уж есть, извини. — Обиделась: — А что, даже в субботу не имею права?

Сто раз давала себе зарок — на маму нельзя обижаться. Во-первых, бессмысленно. И во-вторых тоже.

— Когда буду? Ну мам! Сейчас приберусь. Почему грязно? Нормально. Кому тут грязнить? Так, вытру пыль, протру полы, — Лида вздохнула, — и начну собираться. К часу, наверное, буду. Хорошо, мам, без «наверное». Наверняка. Ну все, пока, до встречи. Нет, я не обиделась. Да говорю тебе, что все нормально! Да и на что обижаться?

Лида прошла по квартире. Нет никакой пыли. Да и какая пыль в ноябре да при закрытых окнах? Пыль подождет. Вообще все подождет. И мама в том числе. А сейчас... Сейчас она плюхнет и повалится. А может быть, и поспит. Хотя бы на это она право имеет?

Встала в половине двенадцатого — пора. Подождет — не подождет, а выслушивать претензии никто не хочет. Тем более в сорок пять лет.

Уложила в контейнер курицу, пирог и винегрет. Надела пальто, мимоходом глянула в зеркало: бледная поганка. Но краситься не хочется. Да и зачем? Встретить свою судьбу она давно отчаялась. И вечно быть *наготове* давно надоело.

Мама жила в пяти остановках — по московским меркам недалеко. Так и менялись, чтобы жить рядом. Обмен искали долго — мама капризничала. То далеко от метро, то низкий этаж. То загаженный подъезд, то непонятные соседи. Дальние спальни даже не обсуждались — мама привыкла жить в центре. Правда, тогда еще была работа, это сейчас она на пенсии. Лида не спорила — спорить с Ольгой Ивановной дело пустое и безнадежное.

Ну и в конце концов все совпало: мама поехала на Шаболовку — уже центр, недалеко Даниловский рынок, кинотеатр, Донской монастырь и рядом метро. Да и дом не современная коробка с потолками в два шестьдесят, а послевоенный, построенный пленными немцами, а они, как известно, не халтурили. Две комнаты в тринадцать и восемнадцать метров, нормальная кухня. Окна во двор. Тишина. Четвертый этаж, тихие соседи. Мама гуляла в Донском, ходила на рынок, смотрела телевизор — словом, жила, как живут тысячи обычных пенсионеров. И со временем почти смирилась со

своим положением. Почти... Потому что смириться ей было непросто.

Всю жизнь она работала. Оперировала, спасала людей, вела студентов, отвечала за тяжелое отделение. Да и семья — муж, дочь, хозяйство. А потом выросла и ушла замуж дочь. Умер муж. И подошла пенсия. Вот это было самое страшное.

Уход Лидинога отца мама пережила довольно спокойно. Поплакала, погоревала и — объяснила, что, как врач, знала, что с таким диагнозом он долго не проживет.

А вот выход на пенсию переживала ужасно. Еще бы — подсел ее самый любимый и преданный ученик. Самый талантливый, выращенный ею и выпестованный. Вроде и обычная история, каких тысячи. А попробуй через это пройти. Попробуй смириться, когда это касается лично тебя.

С того дня мама отрезала прежнюю жизнь — никаких посещений, никаких учеников и коллег. Ни-ко-го! Она вообще никого не желала ни слышать, ни видеть — даже свою подругу, с которой проработала двадцать пять лет, старшую сестру отделения Мирославу, а они были близки. И Валерьявалерича, одноклассника, коллегу и просто хорошего друга. Никого из бывших коллег. «Та жизнь закончилась, — говорила Ольга Ивановна. — Точка. И ничего не хочу ворошить, как ты, Лида, не понимаешь? Придут со своим тортиком, обшарят глазами, как тут и что, изучат вниматель-

но: «Ох, постарела ты, Оля, поправились! Еще бы — сидишь сиднем. А что Лида? Замуж вышла?» И начнут лезть в душу. А я порежу торт — а куда деваться, — налью чай — и начнется: сплетни, слухи, разные истории. А главное — обсуждения нового заведующего. Ну и сравнение: как было при Ольге Ивановне и как стало при этом...»

Имени предателя мама никогда не называла: «тот, этот, новый заведующий».

«Зачем мне лишние травмы и лишние страдания, — заключала мама, — вот ответ. Я уже успокоилась, пережила. К чему возвращаться, зачем ворошить?» «А может, она права, — думала Лида. — Только я бы так не смогла. И папа бы не смог — куда нам до мамы».

Бодрая и свежая, одетая в красивое домашнее платье мама посмотрела с укором:

— Полвторого, Лид! А ты обещала к часу!

Ну началось. Главное — не вступать в полемику, и Лида вяло пробормотала:

— Мам, ну что тебе, на работу? Подумаешь, полчаса. Ну извини. А, собиралась гулять! Ну я коротенько, надолго не задержу, — раздеваясь, бурчала Лида. — На сумку, убери в холодильник. — Недовольная, мама пошла на кухню. Лида поплелась за ней.

Как всегда идеальный порядок: не кухня — операционная. Белоснежное полотенце, блестящие приборы, сверкающая плита. Да и что бы ей не сверкать? Мама совсем не готовит.

«Всю жизнь была эта мука, — однажды призналась мама. — Галеры». Готовить она ненавидела. Да и на работе уставала. А деваться некуда — семья.

Тася говорила, что кухня любит внимание. А пренебрежения, халтуры не любит. Не вложишь душу — ничего не получится. Душу в готовку мама не вкладывала, не все женщины кулинарки. Мамина готовка была невкусной, какой-то скупой. Не по содержанию, а по виду и вкусу. В общем, без души. Невкусные водянистые супы, пресные котлеты, жидкое пюре, переваренные макароны. Да и откуда силы, если простоять у операционного стола пять часов кряду?

Отец ужинал молча. Не хвалил, но и не ругал. Поев, ставил со вздохом тарелку в мойку.

Придя после школы, Лида выбрасывала обед — суп в туалет, второе — котам у подъезда. Стыдно, но есть мамину стряпню не хотелось. В выходные, когда за столом собиралась семья, было хуже — не выкинешь. Ну и давилась.

— Не нравится? — обиженно фыркала мама.

Лида начинала оправдываться. Всю жизнь она перед ней оправдывалась. Потому что они разные. Совсем они разные, мать и дочь. Лида пошла в отца. «В отцовскую породу», — говорила мама с неудовольствием. Подтекст был такой: все Вершинины слабаки. И бабушка Рита, мамина свекровь. И дед Андрей, свекор. И золовка Зоя,

младшая сестра отца. Все «плыли по течению» — а жизнь — это «сопротивление и противостояние».

Сопротивление. Чистая правда — сопротивляться и противостоять Лида не умела. Со временем поняла и вывела формулу — сильное притягивает слабое. И наоборот. Все справедливо. Сильная мать — слабый отец. Впрочем, слабым отца она не считала, потому что очень любила. Больше всех на свете Лида любила отца. Папу, папулю. Папочку, папку.

И бабу Риту любила, и деда Андрея. И тетю Зою — всех Вершининых. Маминых родных Лида не знала — в четырнадцать лет мама осталась круглой сиротой. «Надо было выживать, — повторяла Ольга Ивановна. — И я научилась. Противостоять и сопротивляться». Детдома удалось избежать — девочку взяла тетка, двоюродная сестра матери. Скупая, молчаливая и одинокая Сима. Вредная, колючая, но, как оказалось, не злая. Сама не из счастливых — бездетная вдова. Жила тетка Сима в собственном домике на Преображенке. Комнатка и терраска. И — полная нищета: Сима работала уборщицей на санэпидстанции.

Близкими людьми они с теткой не стали, но всю жизнь Ольга Ивановна была благодарна Симе за то, что та избавила ее от детского дома.

Тетка Сима прожила до девяноста трех лет, и Лида помнила унылые и скучные поездки на